

Она сидела на приземистой хайтековской скамейке возле раздувшегося от чувства собственной элитности подъезда, расслабленно выпрямив правую ногу, а левую согнув в колене.

Согласно циферблату часов, стоял ранний вечер, июльский, пыльный, московский, однако солнце, одиноко торчащее в синем безоблачном небе, лупило с таким неистовым жаром, будто был еще полдень.

Время от времени девушка подносила к губам бутылку с водой, делала пару-тройку глотков и, закрутив неспешно крышку, возвращала бутылку в боковой карман рюкзака.

Она сидела и флегматично рассматривала рваный пунктир свежих черно-глянцевых пятен, оставленных чьими-то пальцами на пыльном боку хозяйского «лексуса». Пунктир брал начало с нижней трети водительской двери, а исчезал у заляпанного сухой грязью порожка. Как будто кто-то, заглядывая под днище, неловко мазнул по кузову рукой, стараясь сохранить равновесие.

Шустрые ребята, кто бы они ни были. И получаса не прошло, как «лексус» припарковался у подъезда. Не сполоснул после обеда Василек тачку боссу, и молодец. Если бы сполоснул, кранты бы боссу настали, это точно. Правда, еще не поздно.

Она хмыкнула.

Скоро хоть этот мерин спустится к машине? Возвращаться в апартаменты, откуда ее только что с позором выдворили, не хотелось совершенно.

Проблема в том, что готовить она не умеет. То есть не ее это конек. Еще, может, яишенку, ну, с помидорами, а вот чтобы плов узбекский...

– Как, ты сказала, вот это все называется? – задал вопрос «мерин», с пристальным театральным вниманием вглядываясь в содержимое тарелки.

– Плов, – сдержанно ответила Виктория.

– А! Значит, плов!.. Прикольнo. А вот это что в нем? Вот эти вкрапления?

– Кишмиш. А, нет, это не кишмиш, это барбарис. Ягоды.

– Угу. Барбарис, значит. А вот эта дрисня, дай угадаю, – мясо?

Вообще-то она появилась на кухне, чтобы доложить, что домой идет. Закончен рабочий день, пора. Пыль с поверхностей протерла, паласы пропылесосила, рубахи нагладила. Плов вот приготовила. И красиво накрыла стол.

Дернул ее леший изыски готовить. Главное, понятно же было сразу, что загубила блюдо. Лучше бы с собой унесла в двух бутербродных паке-тах. Они бы с Танзилей, кваском прихлебывая, это недоразумение умя-ли, не придираясь к нюансам. А работодателю картошечки бы сварила, картошечку трудно испортить. Только не по статусу этому кабану вареной картошкой ужинать. Ему по статусу профитроли с севрюгой и паштет из дичи с трюфелями.

– Значит, так, уважаемая, – повысил голос «мерин», и его короткопалая пятерня с глухим стуком впечаталась в полировку дубовой столешницы. – Испытательный срок ты не прошла. Сечешь фишку? Или поподробнее?

– Секу, – угрюмо ответила Вика. – Давайте тогда расчет. Уборку я делала, гладила на вас, стирала. За продукты можете вычесть, если считаете, что я их испортила. С вас три тысячи получается.

– Чего?! – вспучился в натуральном изумлении «мерин». – Давай проваливай! Спасибо скажи, что по шее не навалял за сервис твой фигов. Я не лох, чтобы деньги даром платить, поняла, кура безрукая?

Он хотел добавить что-то еще, но в это время заголосил его мобильный, и «мерин» отвлекся.

Вика не стала ждать продолжения. Переобуваясь в прихожей из тапочек в кеды, она слышала, как наниматель орет, что вокруг одни бездельники и дебилы и все приходится делать самому. И что он сейчас приедет и уроет.

Вика поспешно выскользнула за дверь. Еще не хватало с этим хамом ехать в одном лифте.

Миновав блестящий чистотой холл первого этажа и кивнув на прощание консьержке, она остановилась на выходе из подъезда, изучая открывшееся пространство.

Ближущие стекла домов напротив. Мамочки с колясками и шустрой малышкой. Старушки на лавочках и один среди них старичок. Несколько иномарок, выстроившихся в ряд на стоянке. Хозяйский автомобиль, обособленно припаркованный впритирочку к газону.

Как-то рефлекторно у нее это вышло – осмотр позиции. Непроизвольно и естественно.

Поймав себя за этим занятием, Вика невесело усмехнулась. Встряхнула головой, отгоняя навязчивый, въевшийся, казалось, в самую ее кожу. Повернулась в сторону метро.

Однако нечто ее таки зацепило. Неправильным и угрожающим показалось ей нечто в произвольно зафиксированной сознанием картинке. И Вика осмотрелась вновь, теперь уже настороженно, неспешно и более предметно.

А дело было в хозяйской тачке. Блин. Просто так уйти она не смогла.

Удержавшись от порыва приблизиться к джипу, присесть возле колеса и сунуть нос под днище, чтобы подтвердить предположение либо его отместить, а отметая, спокойно отправиться восвояси, Вика замерла на месте, собираясь с мыслями.

Если к внедорожнику налипло то, о чем она думает, устройство не обязательно сработает при повороте ключа зажигания. Бывает и по-другому, ей известно.

Жаль, что она не на шпильках. Были бы на ней высоченные шпильки, падение вблизи автомобиля, за которым, возможно, присматривают вон из того дома или вон из того, выглядело бы правдоподобнее.

Придется изображать, что она запуталась в шнурках. И сделать это нужно с предельной достоверностью.

Если предполагаемый диспетчер с пультом в холодно-потных руках заподозрит, что девица грохнулась оземь не просто так, а с целью ознакомиться с лишним предметом, вдруг появившимся над левой передней подвеской вверенного ему шарабана, нервишки киллера могут не выдержать и он надавит на клавишу. Или что там у него тумблер?

Но бывшего нанимателя Виктория, безусловно, спасет. Она состроила гримаску.

Шлепнулась об асфальт она вполне натурально. Рюкзак с плеча соскользнул, из него просыпалась мелочовка.

Со страдальческим видом Вика принялась растирать лодыжку. Теперь главное, чтобы среди редких прохожих не нашелся благородный дон, который своей неуместной отзывчивостью может испортить затею.

Благородный дон, к счастью, не нашелся и продолжить отвлекающий прием не помешал.

Устроившись на корточках в тени внедорожника, Виктория принялась неторопливо складывать обратно раскатившееся в разные стороны имущество: расческу, авторучку, зеркальце в футляре...

Стараясь не задеть кузов, мало ли, может, эта дрянь от касания сработает, Вика просунула под днище зеркальце. Затем не спеша поднялась во весь рост, так же неспешно отряхнула джинсы. Ухватила рюкзак за лямку, вернулась к подъезду.

И уселась на скамейку ждать.

Наконец с прижатым к уху телефоном на улицу выкатился «мерин».

Выдав заключительную порцию обещаний в адрес козлов и уродов, задержался под козырьком, чтобы сунуть в карман дымящийся мобильник. Полез в другой карман за ключами от машины. Уволенную прислугу не заметил. Ничего удивительного.

Интересно, вызов по неотложным делам теми же парнями инициирован или просто так совпало? И водителя сегодня отчего-то нет. Отпросился Василек, что ли? Как-то вовремя отпросился.

Когда разлаписто, но энергично бывший работодатель проследовал мимо, Вика сухо произнесла ему в спину:

– Господин Мартынов. Я бы на вашем месте так не спешила.

Тот обернулся, взглянул, узнал, раздраженно рявкнул:

– Чего надо?

Виктория встала и, поддев со скамейки рюкзак, ответила невозмутимо:

– Мне – ничего. А вам советую полицию вызвать. Или МЧС. А лучше и тех и других.

Мартынов вдруг развеселился:

– Угрожаешь?

– Под днище загляните. Только осторожно, – посоветовала Вика и попыталась уйти.

Он не дал ей сделать и шагу. Дернул больно за локоть, заставив остановиться:

– А погоди-ка. Чего тебе известно?

Виктория саданула его по руке и проговорила спокойно:

– Разуй глаза, дядя. Тогда тебе тоже станет известно.

И кивком обозначила, куда ему надо, разув глаза, посмотреть.

Уйти она смогла лишь после того, как с нее сняли показания приехавшие на вызов опера.

– Эй! Как тебя... Демидова! – нагнал ее у светофора «мерин». – Я тебя нанимаю.

– Вы меня уволили, – надменно вздернув бровь, напомнила ему Виктория.

– Не включай дуру. Я же вижу, кто ты. Будешь у меня телохранителем.

– Не буду, – ответила она и отвернулась.

– Да брось ты злиться, Демидова, – не унимался «мерин», примирительно хлопнув девушку по плечу. – Кулинаришь ты реально отвратно. Даже моя бывшая тебе фору даст. А за рубашки и прочее, вот, держи, сколько ты мне там насчитала.

И полез в карман за бумажником.

Вика подождала, когда тот выудит три банкноты, и, помедлив, деньги приняла.

Приободренный Мартынов продолжил:

– Короче, Демидова. Баблом не обижу. Профессионалов ценю, будь спокойна. И за сегодняшний случай отблагодарю однозначно. Тачку хочешь? Завтра сама выберешь. «Феррари» не обещаю, но на «кореянку» рассчитывай железно. Короче, завтра к девяти я тебя жду на этаже.

Вика ответила невозмутимо:

– Зачем мне тачка? У меня скутер есть.

И ступила на «зебру». Как раз зажегся зеленый. А потом обернулась и добавила:

– И я не профессионал. Вы ошиблись.

– Ты же спец! Как ты такое допустила! – надрывался начальник службы безопасности с багровым от показушной ярости лицом.

Кажется, он готов был Вику ударить. Надрывался не просто так, а на публику. Решил сразу же расставить акценты, умянга.

Только вот аргументов, чтобы обвинить ее в профессиональной погрешности, у него никаких не имелось. Портьеры были наглухо задернуты. Денно и ночью. По ее настоянию, кстати. Это были отличные портьеры из плотного темно-вишневого бархата, мягкими складками струящиеся от дубового карниза под потолком до паркетного пола, устланного традиционными, красным с синим орнаментом, ковровыми дорожками. Однако такая предосторожность не спасла подопечного – снайпер угонил ему точнехонько в сердце.

В качестве телохранителя Виктория проработала здесь всего неделю, а рекрутировал ее вон тот славный дядечка, чье тело медленно, но неизбежно остывает сейчас в кресле с высокой спинкой, придвинутом к монументальному письменному столу.

Покойный – крепкий, хотя и несколько грузный пожилой мужик, – занимал, пока был жив, должность руководителя столичного департамента строительства и землепользования, и звали его Замятин Павел Сергеевич.

При первом их знакомстве Виктория поинтересовалась, зачем господину Замятину понадобилась личная охрана, если в структуре министерства имеется собственная служба безопасности. Не хотелось думать, что берут ее на работу исключительно из-за того, что Жанночка попросила. Хотелось думать, что Виктория Демидова сама по себе ценный специалист, а ситуация у клиента настолько серьезна, что он приложил старания, чтобы разыскать проверенного профессионала, обратившись за информацией к людям своего круга.

И она спросила:

– Вы чего-то опасаетесь, Павел Сергеевич?

Замятин ответил, что должность у него такая, приходится всяко-разного опасаться. И хоть штат охранников при департаменте действительно наличествует, однако его сотрудникам в обязанности не вменено сопровождать чиновника во внерабочее время.

Ну а теперь, когда Замятин прибег к защите персонального телохранителя в Викином лице, он будет чувствовать себя в полнейшей безопасности, как за танковой броней. Любил пошутить старик.

Вечером того кошмарного дня Танзиля ее коньячком отпаивала. Лучше бы и не пили вовсе. Вспомнили Лидушку покойную, которая тоже от стрессов коньячок предпочитала – нечасто и понемногу, однако не брезговала. Лидия Петровна Авдотьева более двадцати лет директорствовала в их интернате. Она очень хорошим директором была и очень хорошим человеком. Потому и убили¹.

Слово за слово... Разрелись обе, что старый, что малый. Хотя Танзиля Усмановна не старуха вовсе, ей и шестидесяти нет. До сих пор в интернате работает замом по хозяйству.

Виктория в том детском доме с пяти лет воспитывалась. До полных пятнадцати, пока ее не удочерили.

Какое это счастье небывалое, может лишь детдомовец понять. Особенно если учесть, что шансы обрести родителей, когда ты вошел в подростковый возраст, тают с каждым месяцем.

Тетю Катю она очень любила. Вернее, любит. Жаль, что так вышло. Не следовало Вике иллюзии строить, вот и все. Чем качественнее построенная иллюзия, тем больнее ее ампутировать.

Дело в том, что семья решила от нее избавиться. Не сразу, зато изящно.

Вика училась на втором курсе юрфака, когда мама Катя родила двойню, Кирюху и Илюху. Виктория честно старалась гнать от себя ревность и панику. И настойчиво верила, что приемные родители продолжают считать ее родной дочерью, так же как и она искренне считает их мамой и отцом.

Она заставила себя принять за данность этих мамы-Катиных детей. Она смогла их полюбить и уже почти не ревновала. Но судьба продолжи-

¹ Читайте об этом в романе Рины Осинкиной «Убить админа».

ла раскачивать кораблик ее счастья, хотя поначалу визиты Валика к ним в дом проблем не предвещали, а тем более не предвещали беды.

Валентин Попов посещал Демидовых не в одиночку, а в составе семейного клана. Его папаша был владельцем небольшого, но надежного коммерческого банка, и приятельские отношения Попова-старшего с предпринимателем Демидовым подкреплялись взаимным корыстным интересом. Точнее выразиться – корыстный интерес подкреплялся раутами и пикниками с барбекю.

Отношение к Попову-младшему у Виктории сложилось неоднозначное.

Валентин был умен и на редкость эрудирован, а в его манерах проскальзывал волнующий шарм странно-зажатого обаяния. Но скоро выяснилось, что за Валиком вьется шлейф невнятных слушков и пересудов, что само по себе Вику не удивило, но заставило свести общение с банкирским сыном к возможному минимуму – из соображений брезгливой чистоплотности.

Тем более что он был химик, а она с некоторых пор не любила химиков.

Во-вторых, он был биолог, а значит, мучил морских свинок и белых мышей. И хоть он не выглядел как ученый-маньяк из средней паршивости голливудского ужастика, подозрения, что Валик таки маньяк, косвенно подтверждались. Он был сыном финансиста, однако его потянуло на лабораторные склянки и мизерные дивиденды. Надо полагать, что оборудование ему все-таки папочка ко дню рождения прикупил, а вот на персонал и реактивы деньги выделял едва ли.

Но вся эта чужая жизнь Вику не должна была задевать и, в принципе, больше не задевала. До тех пор, пока Демидов, собрав семейство в библиотеке, не объявил торжественно, что они с Поповым-старшим генерировали идею женить на ней этого заикающегося биохимика. А мама Катя с радостной улыбкой прибавила, что сие есть прекрасная для Виктории партия, так как молодой человек интеллигентен и из хорошей семьи.

Никто, конечно, Вику не принуждает и не торопит, у нее будет возможность к жениху присмотреться, и лишь по прошествии времени последует официальное сообщение об их помолвке.

Вика подумала, что отец так шутит. Или что она неправильно поняла маму. Недослышала, не разобрала, перепутала. Переспросила даже. Потом молча поднялась в свою комнату, взгромоздила на голову наушники, включила тяжелый рок.

Грохочущие звуки не смогли прогнать боль, раздиравшую душу. От ее острых клыков негде было спрятаться, нечем заслониться.

Лишняя. Для них чужая. Для тех, кто ей так дорог, так по-детски дорог и необходим, к кому прикипела душа – чужая. Кому доверяла и доверилась. У них теперь свои дети. Целых двое. А девочка из приюта – лишняя.

Боль, заполнившая Викино сердце, добралась до самых сокровенных его уголков, отыскав для себя обильную пищу. Желчную ревность к Демидову, подлюю – к близнецам. Подозрение, что мама Катя сто раз пожалела, ее удочерив. Шрам от раны, оставленной другом Генкой. Генкой Неботаником, потому что химиком, с которым они весь интернат продружили и который недавно сконфуженно заявил, что собрался жениться, а Вика даже не стала спрашивать на ком.

Чужие вины, незалеченные раны и горькая от них несчастность, слившись бурным потоком с новой напастью – яростной, оглушительной, сносящей разум болью, подсказали Виктории решение.

Единственно возможное и единственно верное – она ушла из приемной семьи. Напихала в баул каких-то шмоток, кинула на тумбочку ключи от машины и уехала на пригородной электричке в Фаддеевку к Танзиле Асадуллиной.

Танзиля Усмановна удивилась, увидев ее на пороге, но куда еще Вика могла податься? На вокзал в зал ожидания?

В зале ожидания можно отсиживаться, предполагая нервы предкам помотать и через денек вернуться.

Вика не собиралась возвращаться. Найдёт работу, будет квартиру снимать. В нахлебниках ни у кого она оставаться не собиралась. Вуз, конечно, придется бросить, да и фиг с ним, с высшим образованием. Она веру в людей потеряла. По сравнению с этим брошенный после четвертого курса универ – полная лажа.

Танзиля вроде бы даже ей обрадовалась.

Выслушала молча Викину историю, желчно хмыкнула, и было непонятно, что это хмыканье конкретно означает, а потом поселила в просторной гостиной, куда выходила дверь хозяйкиной спальни и начиналась скрипучая лестница на второй этаж.

– Мать знает, где ты? – лишь спросила она.

– Она мне не мать, – ответила сдержанно Вика.

– Дуры обе, – подвела итог Усмановна и больше вопросов не задавала.

Сначала мама Катя ей звонила, но Вика трубку не брала.

О чем им говорить? Все уже сказано.

Звонки прекратились. Несколько раз к ней пытались пробиться мамы подружки – Надежда Михайловна, Алина, Валерия Львовна, но с тем же результатом.

Вика не особенно опасалась двух последних, а вот тетя Надя могла легко унюхать, что Викин поступок содержит в подоплеках добавочный мотив и он не менее серьезен, чем гремучая смесь из гордости, ревности и обиды. Однако, если таковой мотив и имелся, обсуждать свои внутренние проблемы Виктория ни с кем не собиралась и на тети-Надин нажим могла ответить грубостью, чего не хотелось совершенно.

Потом позвонил Игнат Пантелеев.

Игнат, как и старшие представители семьи Демидовых, состоял членом военно-спортивного клуба «Землянка», где в оборудованном под тир подвале можно было вволю пострелять из ставшего культовым оружия по черно-белым бумажным мишеням, а отстрелявшись, устроиться за